

Иван Алексеевич Бунин

Казимир Станиславович

Бунин Иван Алексеевич
Казимир Станиславович

И. А. Бунин

Казимир Станиславович

На пожелтевшей визитной карточке с дворянской короной молодой швейцар гостиницы "Версаль" кое-как прочел только имя-отчество: Казимир Станиславович; дальше следовало нечто еще более трудное для произношения. Повертев карточку в руках, он заглянул в паспорт, поданный приезжим вместе с нею, пожал плечом, - никто из приезжающих в "Версаль" не предъявлял визитных карточек, - бросил то и другое в столик и опять стал глядеться в серебристо-молочное зеркальце над столиком, взбивая гребешком свои густые волосы. Был он в поддевке и расчищенных сапогах, золотой позумент на его картузе был засален - гостиница была скверная.

Казимир Станиславович выехал из Киева в Москву восьмого апреля, по чьей-то телеграмме, заключавшей в себе только одно слово: "десятого". Деньги у него откуда-то взялись, сел он в купе второго класса, серое, тусклое, но, верно, дававшее ему ощущение роскоши, комфорта. В дороге топили, и это вагонное тепло, запах калорифера и тугое постуки-

вание молоточков в нем могли напомнить Казимиру Станиславовичу другие времена. Порой казалось, что вернулась зима, белая, очень белая метель заносила в полях щетину рыжих жнивий и большие свинцовые лужи, где плавали дикие утки; но метель эта часто и неожиданно прекращалась, таяла, поля прояснялись, за облаками чувствовалось много света, и на станциях чернели мокрые платформы и кричали в голых тополях грачи. Казимир Станиславович на каждой большой станции выходил к буфету, возвращался в вагон с газетами в руках, но не читал их, а сидел и тонул в дыму своих толстых папирос, горевших жарко, с искрами, и ни с кем из соседей - одесских евреев, всю дорогу игравших в карты, - не говорил ни слова. На нем было осеннее пальто с обитыми карманами, очень старый креповый цилиндр и новая, но грубая, базарная обувь. Руки его, характерные руки привычного пьяницы и давнего жильца подвалов, зажигая спички, тряслись. О бедности и пьянстве свидетельствовало и все прочее: отсутствие манжет, заношенный бумажный воротничок, ветхий галстук, воспаленное и

донельзя измятое лицо, ярко-голубые слезящиеся глаза. Баки его были крашены плохой коричневой краской, вид имели неестественный. Глядел он устало и презрительно.

В Москву поезд пришел на другой день совсем не вовремя, опоздал на целых семь часов. Погода была неопределенная, но лучше и суше киевской, с чем-то волнующим в воздухе. Казимир Станиславович взял извозчика без торга и велел везти себя прямо в "Версаль". "Я, брат, - сказал он, неожиданно нарушая свое молчание, - эту гостиницу еще со студенческих времен знаю. Из "Версаля", как только внесли в номер его корзинку, перевязанную толстой веревкой, он тотчас же вышел.

Вечерело, воздух был тепел, зеленели черные деревья на бульварах, всюду было много народа... Одиноко человеку, прожившему и погубившему свою жизнь, в весенний вечер в чужом людном городе! Казимир Станиславович пешком прошел весь Тверской бульвар, снова увидел вдали чугунную фигуру задумавшегося Пушкина, золотые и сиреневые главы Страстного монастыря... В кофейне Фи-

лишкова он пил шоколад, рассматривал истрепанные юмористические журналы. Выйдя, постоял в нерешительности, глядя на огненную сквозную вывеску кинематографа, сиявшую вдали по Тверской в синеющих сумерках. Потом поехал в ресторан на бульваре, тоже знакомый со студенческих времен. Вез его старик, согнутый в дугу, печальный, сумрачный, глубоко погруженный в себя, в свою старость, в свои мутные думы, мучительно и нудно помогавший всю дорогу своей ленивой лошади всем существом своим, все время что-то бормотавший ей, иногда ядовито укорявший ее, и, наконец, довез, - свалил с плеч очередную тяжесть и глубоко вздохнул, принимая деньги.

- А я не разобрал, думал, тебе в "Брагу", - медленно поворачивая лошадь, проговорил он даже как будто недовольно, хотя "Прага" была дальше.

- Помню, старик, и "Прагу", - ответил Казимир Станиславович. - А давно ты, верно, едешь по Москве!

- Езжу-то? - спросил старик. - Пятьдесят второй год езжу...

- Значит, может быть, и меня возил, - сказал Казимир Станиславович.

- Может, и возил, - ответил старик сухо. - На свете народу много, всех вас не упомянешь...

От прежнего ресторана, известного Казимиру Станиславовичу, осталось только одно звание. Теперь это был большой, низкопробный ресторан. Над подъездом горел электрический шар, гелиотроповым, неприятным светом озарявший лихачей второго сорта, наглых и беспощадных к своим запаленным, костлявым рысакам, тяжело ревушим на бегу. В сырых сенях стояли горшки с тропическими растениями, из тех, что переезжают на платформах с похорон на свадьбы и обратно. В лакейской к Казимиру Станиславовичу кинулось сразу несколько человек и все с такими же густыми клубами волос, как у швейцара "Версаля". В большом зеленоватом зале со множеством широких зеркал и с малиновой лампадкой, теплившейся в углу, было еще пусто и зажжено всего несколько рожков. Казимир Станиславович долго сидел один. Чувствовалось, что еще не совсем стемнел за ок-

нами в белых шторах долгий весенний вечер, слышалось с улицы цокание копыт по мостовой; однообразно плескался среди зала фонтанчик в аквариуме, где ходили облезлые золотые рыбки, откуда-то снизу, сквозь воду, освещенные. Белый половой подал прибор, хлеб, графинчик холодной водки. Казимир Станиславович стал пить водку без закуски, давил ее во рту, прежде чем проглотить, а проглотив, стискивал зубы и как будто с отвращением нюхал черный хлеб. Вдруг, даже испугав его, загрохотала на весь зал и запела машина - смесь из русских песен, то преувеличенно бурных, бесшабашных, то не в меру нежных, протяжных, задушевно-грустных... И у Казимира Станиславовича покраснели глаза, подернулись слезами.

Потом седой, кудрявый грузин принес ему на железной пике полусырой пахучий шашлык, с каким-то развратным щегольством срезал мясо на тарелку и, для пущей азиатской простоты, собственноручно посыпал луком, солью и ржавым порошком барбариса, меж тем как машина гремела в пустом зале подмывающим к едким изгибам и подскаки-

ваниям кэк-уоком... Потом подавали Казимиру Станиславовичу рокфор, красное вино, кофе, нарзан, ликеры... Машина давно смолкла. Вместо нее играл на эстраде оркестр немок в белых платьях; освещенный и все наполнявшийся народом зал нагрелся, потускнел от табачного дыма, густо насытился запахом кушаний; половые носились вихрем, пьяные требовали сигар, от которых их тошнило; метрдотели расточали крайнюю заботливость, соединенную с напряженным соблюдением собственного достоинства; в зеркалах, в их мутноводянистых безднах отражалось что-то огромное, шумное, сложное; Казимир Станиславович несколько раз выходил из жаркого зала в прохладные коридоры, в холодную уборную, где странно пахло морем, шел точно по воздуху и, возвратясь, снова требовал вина. Во втором часу, закрывая глаза и сквозь ноздри втягивая в свою одурманенную голову ночную свежесть, он летел на лихаче, на высокой пролетке с дутыми шинами, за город, в публичный дом, видел вдали бесконечные цепи поздних огней, убежавших куда-то под гору и снова поднимавшихся в гору, но видел

так, точно это был не он, а кто-то другой; в публичном доме он чуть не подрался с каким-то полным господином, который, наступая на него, кричал, что его знает вся мыслящая Россия; потом одетый лежал на широкой постели, покрытой стеганым атласным одеялом, в небольшой комнате, полуосвещенной с потолка голубым фонарем, приторно пахнущей душистым мылом, с платьями, навешанными на крюк на двери; возле постели стояла ваза с фруктами; девушка, обязанная занимать Казимира Станиславовича, молча, жадно, со вкусом ела грушу, обрезая ее ножичком, а ее подруга, с голыми толстыми руками, в одной рубашке, делавшей ее похожей на девочку, быстро писала письмо на туалетном столике, не обращая на них никакого внимания, она писала и плакала - о чем? На свете народу много, всего не узнаешь.

Десятого апреля Казимир Станиславович проснулся поздно. Судя по тому, как испуганно открыл он глаза, можно было понять, что его на мгновение ошеломила мысль о том, что он в Москве, и то, что было вчера. Он вернулся не ранее пятого часа. Он шатался, под-

нимаясь по лестнице "Версаля", однако без ошибки пошел к своему номеру по длинному вонючему туннелю коридора, где только в самом начале сонно коптила лампочка. Возле всех номеров стояли сапоги и башмаки, - все людей чужих, неизвестных друг другу. Внезапно одна дверь, пахнув на Казимира Станиславовича почти ужасом, растворилась, на пороге ее появился старик в халате, похожий на плохого актера, играющего "Записки сумасшедшего", и Казимир Станиславович увидел лампу под зеленым колпаком и тесно заставленную комнату, берлогу одинокого, старого жильца, с образами в углу и несметными коробками из под папиросных гильз, чуть не до потолка наложенными одна на другую возле образов... Неужели это был тот самый полоумный составитель жизнеописаний угодников, что жил в "Версале" двадцать три года тому назад? В темном номере Казимира Станиславовича было страшно душно от какой-то едкой и пахучей суши. Свет слабо проникал в темноту из окна над дверью. Казимир Станиславович зашел за перегородку, снял цилиндр со своих очень редких, нафиксатуарен-

ных волос, кинул пальто в изголовье голой кровати... Все закружилось под ним, как только он лег, понеслось в пропасть, и он мгновенно заснул. Во сне все время чувствовал он смрад железного умывальника, стоявшего возле самого его лица, а видел весенний день, деревья в цвету, зал большого барского дома и множество народа, со страхом ожидавшего, что вот-вот приедет митрополит, и это ожидание мучило, томило его всю ночь. Теперь по коридорам "Версаля" звонили, бежали, перекрикивались. За перегородкой, сквозь двойные пыльные стекла, светило солнце, было жарко. Казимир Станиславович снял пиджак, позвонил и стал умываться. Прибежал коридорный, востроглазый мальчишка с лисьим пухом на голове, в сюртуке и розовой косоворотке.

- Калач, самовар и лимон, - сказал Казимир Станиславович, не глядя на него.

- Чай, сахар наш прикажете? - с московской бойкостью спросил коридорный.

И через минуту влетел с кипящим самоваром на ладони возле плеча, мгновенно раскинул по круглому столу перед диваном ска-

терть, поднос со стаканом и полоскательницей, стукнул по подносу ножками самовара Казимир Станиславович, пока настаивался чай, бессознательно развернул "Московский листок", подсунутый коридорным вместе с самоваром, взгляд его упал на заметку о том, что вчера где-то поднят в бессознательном состоянии неизвестный человек... "Пострадавший отправлен в больницу", - прочел он и бросил газету Он чувствовал себя очень зыбко, плохо. Поднявшись, он открыл окно, - оно выходило во двор, - и на него запахло свежестью и городом, понеслись изысканно-певучие крики разносчиков, звонки гудящих за противоположным домом конок, слитный треск экипажей, музыкальный гул колоколов. Город уже давно жил своей шумной, огромной жизнью в этот яркий весенний день Выдавив в стакан с чаем целый лимон, с жадностью выпив эту мутную кислую жидкость, Казимир Станиславович опять ушел за перегородку "Версаль" затих. Взгляд лениво скользил по конторскому объявлению на стене: "Пробывши три часа, считается за сутки", мышь гремела в комод, катая кусок сахара,

оставленный каким-нибудь проезжим. Так, в полудремоте, Казимир Станиславович пролежал за перегородкой до тех пор, пока солнце не скрылось из комнаты и не потянуло в окно другой свежестью, уже предвечерней.

Тогда он тщательно привел себя в порядок развязал корзинку, переменял белье, достал дешевенький, но чистый носовой платок, обмахнул щеткой лоснящийся сюртук, цилиндр и пальто, вынул из его продранного кармана и кинул в угол затертую киевскую газету от пятнадцатого января Одевшись и расчесав красящим гребнем баки, он подсчитал свои средства, - в кошельке его оставалось всего четыре рубля семь гривен, - и вышел. Ровно в шесть он был возле низенькой старинной церковки на Молчановке. За церковной оградой мелкой зеленью зеленело развесистое дерево, играли дети, - у одной худенькой девочки, прыгавшей через веревочку, все спадал черный чулочек, - и сидели на скамье, перед колясочками со спящими младенцами, кормилицы в русских нарядах Все дерево трещало воробьями, воздух был мягок, - совсем, совсем летний, даже пылью пахло по-летнему, -

и нежно золотилось вдали за домами небо над закатом, и чувствовалось, что в мире есть где-то радость, молодость, счастье В церкви уже горела люстра и стоял нагой, перед налом лежал коврик. Казимир Станиславович осторожно, стараясь не испортить прически, снял цилиндр, вступил в церковь несмело, - он не бывал в церквях уже лет тридцать, - и поместился в уголке, но так, чтобы ему было видно венчающихся. Он оглядывал расписные своды, поднимал глаза в купол, и каждое его движение, каждый вздох звучно отдавался в тишине. Церковь, блестя своим золотом, выжидательно потрескивала свечами. И вот, крестясь, но свободно, привычно стали входить священнослужители, певчие, потом старухи, дети, свадебные нарядные гости и озабоченные шафера. Когда же послышался шум возле паперти, захрустела колесами подъехавшая карета и все обратились ко входу и грянула встреча: "Гряди, голубица моя!" - Казимир Станиславович покрылся от сердцебиения смертельной бледностью и невольно двинулся вперед И близко, близко прошла мимо него, даже фатой своей его коснулась и

ландышем овеяла та, которая даже не знала о его существовании на свете, прошла, склонив свою прелестную голову, вся в цветах и сквозном газе, вся белоснежная и непорочная, как принцесса, идущая к первому причастию... Жениха, встретившего ее, низенького, широкоплечего, с желтым плоским бобриком на темени, Казимир Станиславович едва видел. И за все время венчания только одно было перед его глазами: склоненная, в цветах и фате, голова и маленькая рука, с дрожью державшая горящую свечу, перевитую белой лентой с бантом...

В десятом часу вечера он был опять дома. Все пальто его пропахло весенним воздухом, после того, как, выйдя из церкви, увидал он у паперти зеркальное, отражавшее закат стекло кареты, белоатласной внутри, и в последний раз мелькнуло за этим стеклом лицо той, которую навсегда увозили от него куда-то, он долго скитался по каким-то переулкам, выходил на Новинский бульвар. Теперь он медленно снял с себя пальто трясущимися руками, положил на стол бумажный мешочек с двумя зелеными огурцами, зачем-то куплен-

ными им с лотка разносчика. От них пахло весной даже сквозь бумагу, и по-весеннему, жидко серебрился в верхнее стекло окна апрельский месяц, высоко стоявший на еще не стемневшем небе Казимир Станиславович зажег свечу, печально осветил свой пустой, случайный приют, сел на диван, ощущая на лице вечернюю свежесть... Так просидел он очень долго Он не звонил, ничего не требовал, заперся на ключ, - все это показалось подозрительным коридорному, видевшему, как он, шаркая ногами, входил в номер, как вынимал ключ из двери, чтобы запереться изнутри. Коридорный несколько раз пробирался на цыпочках к его двери и смотрел в замочную скважину Казимир Станиславович сидел на диване и, трясясь и вытирая платком лицо, плакал так горько, так обильно, с бакенбард его сходила и размазывалась по щекам коричневая краска.

Ночью он сорвал шнур с оконной шторы и, ничего не видя от слез, стал привязывать его к крюку вешалки. Но догоревшая свеча жутко полыхала, по запертому на ключ номеруплыли и дрожали страшные темные волны... Нет,

умереть от своей руки он был не в силах

Утром он уехал на вокзал часа за три до поезда. На вокзале он тихо ходил среди пассажиров с опущенными глазами, неожиданно приостанавливался то перед тем, то перед другим и вполголоса, ровно, без выражения, но довольно быстро говорил:

- Ради бога... Нахожусь в безвыходном положении. На билет до Брянска... Хотя несколько копеек...

И некоторые, стараясь не глядеть на его цилиндр, вытертый бархатный воротник пальто и на ужасное лицо с облинявшими фиолетовыми баками, торопясь и конфузясь, давали ему.

А потом он смешался с толпой, кинувшейся к выходу на платформу, и исчез в ней, меж тем как в "Версале", в номере, двое суток как бы принадлежавшем ему, выносили ведро из умывальника, распахивали на апрельское солнце окна и, грубо двигая стульями, выметали, вышвыривали сор, а вместе с сором - его разорванную записку; забытую им вместе с огурцами, упавшую под стол, под спустившуюся скатерть:

"В смерти моей прошу никого не винить..."
1916